

— Ваше Высочество, не тревожьтесь, — сказала матушка Тянь. — Госпожа всегда была женщиной, что любила и ненавидела всем сердцем. Она никогда не жалела о связи с императором и рождении двоих детей, но сокрушалась, что не смогла должным образом позаботиться о наследном принце и принцессе. Её дух на небесах не желает видеть Ваше Высочество в печали.

— Уже поздно, горячая вода готова, в коробке есть еда. Отдохните немного, Ваше Высочество, и выберите любую свободную комнату для ночлега, — добавила матушка Тянь.

Цинь Цзюнь лишь кивнула и проводила её.

К этому времени остальные также поднялись в гору. Все смертельно устали, поэтому, кое-как расчистив несколько свободных комнат, решили перекусить и лечь спать.

В горной тишине Цинь Цзюнь поужинала. Пока Цзи Сы приносила воду и убирала постель, она достала поминальную табличку Ли Юэин, установила алтарь и, зажегши благовония, устала на мерцающую нить дыма.

— Почему Ваше Высочество ставите два благовония? — неожиданно спросила Цзи Сы.

Цинь Цзюнь очнулась и с улыбкой ответила:

— На счастье? Ну... и за отца тоже.

Цзи Сы не стала допытываться.

— Отдыхайте, — лишь сказала она.

Ночью они спали в обнимку.

Цинь Цзюнь, прижатая к Цзи Сы, чувствовала, как мягко и уютно в её объятиях, словно в пушистом облаке.

— Скажи, какой была моя мать, государыня-мать? — вдруг спросила Цинь Цзюнь.

Цзи Сы повернулась на бок, щелчком пальцев погасив свечу в комнате.

— Я не знаю.

— Угадай, — взмолилась Цинь Цзюнь. — Просто скажи что-нибудь.

— Героиня среди женщин, — равнодушно бросила Цзи Сы.

Цинь Цзюнь рассмеялась:

— Какая же ты несерьёзная.

Тогда Цзи Сы добавила:

— Наверное, она была прекрасна. Иначе не родила бы такую принцессу.

Улыбка Цинь Цзюнь стала шире:

— Ох уж эти твои сладкие речи.

— Я не лъщу, — с серьёзным видом объяснила Цзи Сы, и в её голосе зазвучали смешинки. — Это правда.

Казалось, она хотела поцеловать Цинь Цзюнь в щёку.

Та, почуяв приближение дыхания, насторожённо отстранилась.

— Чего?

— Если не спится, можно заняться чем-нибудь другим, — тихо сказала Цзи Сы.

Цинь Цзюнь: «..... Ты снова хочешь что-то натворить с Алым реестром?»

Цзи Сы понизила голос:

— Когда меня одолевает нетерпение, я часто встаю среди ночи, чтобы написать пару строк.

— ...Бесстыдница! — воскликнула Цинь Цзюнь, чувствуя, как лицо её пылает, словно угли в очаге.

Цзи Сы усмехнулась.

— Ваше Высочество, с каких это пор вам перестало быть неловко спать со мной?

Цинь Цзюнь опустила взгляд. В ночной темноте, кроме мерцающих глаз Цзи Сы, она ничего не видела, но отчётливо ощущала, как их руки, ноги и груди соприкасаются сквозь тонкую ткань ночных одежд, согревая друг друга.

Цинь Цзюнь: «...»

Привычка действительно становится второй натурой. А натура эта — гибельна.

Цинь Цзюнь упрямо заявила:

— Когда весна пройдёт и наступит лето, станет жарко, и уж точно не будем спать в обнимку.

— Неужели? — лениво протянула Цзи Сы.

— Непременно!

Цинь Цзюнь, встревоженная, заворчалась в объятиях Цзи Сы, но та придержала её за талию, и та успокоилась.

— Я не видела государыню-мать, — сказала Цзи Сы. — Но думаю, она очень любила вас.

«Я же самозванка. Конечно, она любила Шестую принцессу. И Шестая принцесса любила мать, хоть и не знала её, но унаследовала ту же отвагу», — подумала Цинь Цзюнь. Шестая принцесса решила пожертвовать собой ради страны — наверное, в её жилах текла кровь Ли Юэин, кровь рода Ли, чей девиз: «Лучше быть разбитой яшмой, чем целым черепком».

Даже наследный принц, родной брат Шестой принцессы, пал от рук мятежных князей. Цинь Бянь был в расцвете сил, и принц, защищая императора, принял стрелу, которая пронзила ему сердце. Никакие снадобья не помогли.

— «Поняв, что прошлого не изменить, знаю, что будущее ещё можно исправить», — вздохнула Цинь Цзюнь. — Чем больше думаю, тем печальнее. Давай спать.

Но когда Цинь Цзюнь закрыла глаза, Цзи Сы прошептала:

— А я до сих пор не знаю, откуда я родом.

На следующий день все по указанию матушки Тянь и Сяо Таоцзы принялись за основательную уборку усадьбы «Дымчатые облака».

Усадьба была огромной, и работа кипела с утра до ночи. Лишь Цинь Цзюнь оставалась не у дел — ей запрещали делать что бы то ни было, даже помочь протереть столы.

Цзи Сы:

— Вода в усадьбе идёт с горного источника и от талого снега, ледяная. Ваше Высочество, остерегайтесь простудиться.

Цзи Сы:

— Не трогайте.

Цзи Сы:

— Оставьте.

Цзи Сы:

— М-м? Не прикасайтесь.

Цинь Цзюнь пришлось выйти во двор, где она от скуки принялась упражняться с рукавными стрелами, стреляя в опавшие листья. Из десяти попадала лишь в один-два. После стрельбы собирала разбросанные шесть стрел, вставляла обратно и повторяла, пока не наскучило. Тогда она пошла почитать.

Самое насущное сейчас — придумать, как заработать денег. В горах одни деревья — неужели рубить и продавать? Область Цзянчжоу так бедна, что двенадцать её уездов не сравнятся по процветанию даже с небольшим городком под управлением Верхней столицы.

Цинь Цзюнь размышляла над книгой, брови её были нахмурены. Увидев Цзи Сы, она спросила:

— Послали кого-нибудь в гостиницу?

Цзи Сы:

— Угу.

Цинь Цзюнь:

— Когда вернётся Цзиньсю?

Цзи Сы промолчала.

Цинь Цзюнь отложила книгу в сторону.

— Со стрельбой я закончила. Когда будешь учить меня боевым искусствам?

— Вашему Высочеству не нужно тренироваться, — ответила Цзи Сы, держа метлу. Она грациозно взобралась на каменную стену, присела и смахнула листья с карниза. — Я буду защищать вас.

Цинь Цзюнь:

— А вдруг? Ну, вдруг тебя не будет рядом?

Цзи Сы спокойно сказала:

— Есть ещё Цзиньсю.

Цинь Цзюнь:

— Цзиньсю сейчас нет. Да и ты не всегда будешь рядом — еда, сон, прочие дела.

Цзи Сы искоса взглянула на неё, затем спрыгнула с карниза. Её юбка развевалась, это было прекрасно.

Цинь Цзюнь сгорала от нетерпения:

— Научи меня, научи!

Цзи Сы:

— Хорошо.

Согласилась? Цинь Цзюнь с радостью посмотрела на неё.

— Когда начнём?

Цзи Сы улыбнулась:

— Когда я буду упражняться с мечом, Ваше Высочество сможете учиться вместе со мной.

Цинь Цзюнь закивала, словно маслина в бутылке.

— А ты сейчас будешь тренироваться?

Цзи Сы:

— Сейчас нужно убирать усадьбу.

— ...Ладно, — нехотя согласилась Цинь Цзюнь. — Если Цзиньсю будет против, поможешь мне её уговорить.

Усадьба была огромной, с сотней комнат, разделённых на четыре двора — восточный, западный, южный, северный — и высоким передним залом, соединённым с внутренним двором. Все убрали двор за двором и обнаружили в кладовой стремянки, которые и использовали для чистки карнизов.

После полудня с крыши капало повсюду, и усадьба «Дымчатые облака» отсырела. Тринадцать ребятишек от Хэ И до Хэ Шисань, разных возрастов, закатав штанины и рукава, стояли на

мокрых тряпках или сжимали в руках ветоши. Они ползали по коридору на четвереньках, перебегая с одного конца на другой, то и дело раздавались их смех и весёлые крики.

Цинь Цзюнь тоже захотелось присоединиться.

— Только не упадите! — с улыбкой предупредила она.

Едва она сняла туфли и носки, как Цзи Сы поймала её с поличным.

«...»

Цзи Сы наконец рассердилась:

— Нельзя показывать ступни.

Цинь Цзюнь:

— ...Отсталые взгляды.

— Если кто-нибудь увидит, мне придётся выколоть глаза тринадцати мальчикам и девочкам, — сказала Цзи Сы, подняв взгляд. Глаза её были холодны, но губы тронула улыбка.

«...»

Цинь Цзюнь смутилась, надела обувь и побежала смотреть, как Сяо Таоцзы пересчитывает деньги в казне.

На следующий день, когда утреннее солнце залило задний двор, погода стояла ясная.

Цинь Цзюнь:

— Мать оставила столько книг?

Матушка Тянь вынесла из кабинета множество книг, чтобы просушить их на солнце. Цинь Цзюнь взяла перьевую метёлку и смахивала с них пыль.

Матушка Тянь, опираясь на поясицу, сказала:

— Да. Есть ещё древние книги на бамбуковых свитках. Госпожа очень бережно относилась к книгам.

Цинь Цзюнь улыбнулась. Продолжая разбирать книги, она просматривала их. Ли Юэин читала много: Четверокнижие и Пятикнижие, конфуцианские, даосские, легистские трактаты — почти всё было ей знакомо. Она читала даже разные диковинные истории и часто оставляла на полях комментарии и критические заметки, что было весьма занятно.

Пролистав одну из книг, Цинь Цзюнь наткнулась на такую фразу: «Разве женщина не может быть императором?»

Она невольно рассмеялась. Чернила уже поблёкли, вокруг виднелись коричневатые разводы — видимо, заметка была сделана давно. Вглядевшись и кое-как разобрав следующую строку, Цинь Цзюнь прочитала: «Если у меня родится дочь, я непременно воспитаю её мудрым

правителем или достойным советником».

<http://bllate.org/book/16274/1465350>